

КОШАЧИЙ ГЛАЗ

ПРОЗА МАРГАРЕТ

Э·Т·В·У·Д

M A R G A R E T

A · T · W · O · O · D

CAT'S EYE

МАРГАРЕТ

Э·Т·В·У·Д

КОШАЧИЙ ГЛАЗ

Москва
2020

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44
Э89

Margaret Atwood
CAT'S EYE

Copyright © 1988 by O.W. Toad Ltd.

Перевод с английского *Татьяны Боровиковой*
Художественное оформление *Елены Куликовой*

Этвуд, Маргарет.

Э89 Кошачий глаз / Маргарет Этвуд ; [перевод с английского Т. Боровиковой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 512 с.

ISBN 978-5-04-115798-2

Современный художник Элейн Ризли возвращается в Торонто, город своего детства, на выставку, посвященную ее искусству. Внезапно поглощенная яркими картинками из прошлого, она думает о трех девочках, которые ввели ее в жестокий мир детских игр, в мир тайной дружбы, тоски и предательства. Элейн мучает прошлое, и потому она никак не может найти покой в настоящем, которое кажется иллюзорным, как узоры под гладкой поверхностью стеклянного шарика.

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-115798-2

© Боровикова Т., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Эта книга — для С.

Картины и другие произведения современного искусства, описанные в этой книге, выдуманы. Однако на них повлияло творчество художников Джойс Вилэнд, Джека Чемберса, Чарльза Пэчтера, Эрики Хирон, Гейл Гелтнер, Денниса Бертонна, Луиса де Нивервилля, Хезер Купер, Уильяма Курилика, Грега Курноу и гончара Ленор М. Этвуд, работающей в жанре поп-сюрреализма; а также — галерея Айзекса, старого оригинала.

За сведения по физике и космологии, затронутые в этой книге, я благодарю Пола Дэйвиса, Карла Сагана, Джона Гриббина и Стивена Хокинга, авторов увлекательнейших книг по соответствующим темам. Спасибо также моему племяннику Дэвиду Этвуду за его разъяснения теории струн.

Огромная благодарность Грэму Гибсону за то, что он претерпел этот роман; моему агенту Фиби Лармор; моим агентам в Англии — Вивьен Шустер и Ванессе Холт; моим редакторам и издателям — Нэн Тализ, Нэнси Эванс, Эллен Селигман, Адриенне Кларксон, Эви Беннет, Лиз Калдер и Анне Портер; моей неутомимой помощнице Мелани Даген; а также Доне Перофф, Майклу Брэдли, Элисон Паркер, Гэри Фостеру, Кейти Гилл, Кейти Минялофф, Фанни Силберман, Джеймсу Полку, Колин Куинн, Розы Абелле, С.М. Сандерсу, Джину Гольдбергу, Джону Галлахеру и Дороти Гулборн.

Когда Туканас отрезал старухе голову, старуха собрала в ладони собственную кровь и дунула, и кровь улетела на солнце.

— Так и моя душа входит в тебя! — закричала старуха.

С тех пор всякий, кто убивает, принимает в свое тело душу убитого, не зная и не желая этого.

Эдуардо Галеано
«Память огня. Сотворение»

Почему мы помним прошлое, а не будущее?

Стивен Хокинг
«Краткая история времени»

I. ЖЕЛЕЗНОЕ ЛЕГКОЕ

1

Время — не прямая, а отдельное измерение, как измерения в пространстве. Если пространство можно искривить, то и время тоже можно. А если мы научимся двигаться быстрее света, то сможем путешествовать назад во времени и тогда будем существовать в двух местах сразу.

Так говорил Стивен, мой брат. Занимаясь физикой, он надевал особый вязаный бордовый свитер с расползающимися дырками на протертых локтях и стоял на голове, чтобы кровь прилиwała к мозгу и питала его. Я ничего не поняла, но, может быть, он не очень хорошо объяснял. Он уже тогда начал уходить от слов, от присущей им неточности.

Но я с тех пор представляю себе время как что-то четко очерченное, что-то видимое. Будто несколько прозрачных, жидких диапозитивов наложили друг на друга. Вглядываясь во время, мы смотрим не назад, а вглубь, как в воду. На поверхность поднимается то одно, то другое, а иногда — ничего. Но все сохраняется навеки.

2

— Стивен говорит, что время — не прямая, — говорю я. Корделия закатывает глаза, как я и ожидала.

— И? — отвечает она. Такой ответ нам обеим приятен. Он ставит на место как природу времени, так и Стивена, который зовет нас «подростки», будто он сам не подросток.

Мы с Корделией едем на трамвае в центр города, как всегда зимой по субботам. Воздух в трамвае сырой и туманный оттого, что уже побывал у кого-то в легких, и от испарений мокрой шерсти. Корделия сидит в непринужденной позе, с непроницаемым лицом, по временам подталкивая меня локтем, вперивая в других пассажиров взгляд серо-зеленых глаз, непрозрачных и блестящих, как металл. Она кого угодно может переиграть в вагонные гляделки, и я от нее почти не отстаю. Мы круты, мы просто богини, нам по тринадцать лет.

Мы в длинных драповых пальто, затянутых поясами. Воротники подняты — мы хотим походить на кинозвезд. На ногах у нас резиновые сапоги с подвернутыми голенищами. Под сапогами — мужские рабочие носки. У каждой в кармане платок, надетый по настоянию матери, но тут же тайком снятый. Мы презираем головные уборы. Рты у нас жесткие, ярко-красные, блестящие, как ногти. Мы с Корделией считаем, что мы — подруги.

В трамваях вечно попадаются старухи — во всяком случае, нам эти женщины кажутся старухами. Иные одеты прилично, в жакеты из шотландского твида, перчатки в тон и аккуратные шляпки без излишеств, с маленьким задорным перышком сбоку. Другие — бедней, явные иностранки, кутают головы и плечи в темные платки. Третьи — неповоротливые, бесформенные, с неодобрительно поджатыми губами, увешанные, как гирляндами, сумками, полными покупок. Эти у нас ассоциируются с распродажами, подвальными магазинами уцененных товаров. Корделия на глаз отличает дешевую ткань. «Габардин, — говорит она. — Дешевка».

Иные женщины еще борются, пытаются выглядеть гламурно. Их немного, но они выделяются. Они одеты в алое или фиолетовое, серьги — длинные висюльки, а шляпы смотрятся как театральные реквизиты. Из-под юбки выглядывает край комбинации — необычного, фривольного цвета. Фривольным считается любой цвет, кроме белого. Волосы у этих женщин выкрашены в блонд, или в пастельно-голубой, или — что еще больше режет глаз на фоне безжизненной, как бумага, кожи — в черный, тусклый, как старая меховая шуба. Вокруг рта помадой нарисован другой рот, вокруг настоящих глаз — изломанный черный контур других. Эти женщины часто разговаривают сами с собой. Одна все время бормочет: «Баранина, баранина», снова и снова, как слова песни, а другая тычет нас зонтиком в ноги и говорит: «Голые!»

Эти женщины нам нравятся больше всего. В них есть некая веселость, изобретательность, им все равно, что о них подумают. Они сбежали (хотя от чего именно — нам не до конца ясно). Мы думаем, что они сознательно выбрали и странные костюмы, и речевые ужимки, и что в свое время мы тоже сможем выбирать.

— Я вот такой стану, — говорит Корделия. — Только я еще заведу брехливого пекинеса и буду гонять мальчишек со своего газона. У меня будет палка с крюком, как посох пастуха.

— А я заведу себе игуану, — отвечаю я. — И буду одеваться исключительно в мареновый цвет.

Это слово я выучила совсем недавно.

Теперь я думаю: а что если эти женщины просто не видели себя со стороны? Проще не бывает: плохое зрение. Теперь я сама этим страдаю: слишком близко к зеркалу — все расплывается, слишком далеко — не

разглядеть мелких деталей. Кто знает, что за лицо я рисую? Какой шедевр современного искусства изображаю на себе? Даже на правильно выбранном расстоянии от зеркала я каждый раз другая: иногда выгляжу на сильно потасканные тридцать пять, иногда — на бодрые пятьдесят. Очень многое зависит от освещения и от того, как прищуришься.

Я ем в розовых ресторанах, они благоприятнее для цвета лица. В желтых и сама желтеешь. Я действительно размышляю на эту тему. Тщеславие начинает дорого обходиться; я понимаю, почему женщины в конце концов сдаются. Но я еще не готова сдаться.

В последнее время я ловлю себя на том, что напеваю вслух или что иду по улице с приоткрытым ртом, даже слюни текут. Совсем чуть-чуть; но, может быть, это — острое клина, трещина в фундаменте, которая со временем расширится и превратится... во что? В какие пейзажи сверкающей эксцентричности или безумства?

Этого я никогда не открою никому, кроме Корделии. Но какой Корделии? Той, которую я вызвала из глубин памяти, — в пальто с поднятым воротником и резиновых сапогах с подвернутыми голенищами? Или той, что была до этого? Или той, что была после? Каждый человек, без исключения, существует в нескольких экземплярах.

Если я снова встречу с Корделией, что я расскажу ей о себе? Правду — или приукрашенную версию, в которой выгляжу хорошо?

Видимо, второе. У меня все еще осталась эта потребность — выглядеть хорошо.

Я очень давно не видела Корделию. Я не ожидала встречи с ней. Но сейчас, по возвращении, я вижу ее на каждой улице — она сворачивает за угол или скрывает

ется в дверях. Само собой, эти фрагменты — плечо бежевого пальто из верблюжьей шерсти, профиль, оставленная назад нога — принадлежат женщинам, которые, стоит их увидеть целиком, оказываются не Корделией, а кем-то другим.

Я понятия не имею, как она выглядит сейчас. Может, она растолстела, груди обвисли, в углах рта седые волоски. Но это вряд ли; она станет их выщипывать. Может, она носит очки в модной оправе, сделала блефаропластику, на волосах «перышки» или она моет голову оттеночным шампунем. Всё это возможно; мы обе достигли пограничного возраста, нейтральной зоны, в которой ещё веришь, что эти уловки действуют, главное — избегать ярко освещенных мест.

Я представляю себе, как Корделия разглядывает в зеркало с близкого расстояния растущие мешки под глазами, свисающие и морщинистые, как кожа на локтях. Корделия вздыхает, мажет под глазами кремом — именно тем, который нужен, — и прихлопывает подушечками пальцев. Корделия непременно будет знать, какой крем — правильный. Она осматривает свои руки — они слегка усохли, искривились, как и мои. Шишки суставов. Морщинки у губ. У подбородка уже намечаются брыли, их видно в темных зеркалах окон в вагоне метро. Больше никому пока не видно, если не разглядывать пристально; но мы с Корделией привыкли смотреть пристально.

Она роняет банное полотенце — зеленое, приглушенного цвета морской волны в тон ее глазам, — и смотрит на себя через плечо. В зеркало видны складки кожи над талией, похожие на морду шарпея. Ягодицы обвисли, как гребень петуха. Иссохший мох волос, если развернуться передом. Я представляю себе Корделию в спортивном костюме, тоже зеленом, — она тру-

дится в спортзале, потеет, как лошадь. Я знаю, что она сказала бы об этом. Обо всем этом. Как мы хихикали, с каким отвращением и восторгом, когда нашли воск, который ее старшие сестры использовали для депиляции. Он застыл в баночке, и в нем торчали щетинистые волоски. Гротескные причуды тела всегда интересовали Корделию.

Я воображаю, как неожиданно натыкаюсь на нее. Может быть, она в потертом пальто и вязаной шапке, напоминающей по форме бабу-на-чайник, сидит на тротуаре с двумя магазинными пакетами, в которые вмещается весь ее скарб. Сидит и бормочет что-то себе под нос. «Корделия! Не узнаешь?» — говорю я. Она узнает, но притворяется, что не узнала. Встает и ковыляет прочь на распухших ногах. Через дыры в резиновых сапогах просвечивают старые носки. Она оглядывается через плечо.

Эти фантазии меня отчасти утешают, и тем больше, чем они мрачней. Я смотрю из окна или с балкона, как Корделию преследует по улице какой-то мужчина, догоняет, бьет под ребра (удар в лицо для меня невыносим), сбивает с ног. Но дальше этого я пойти не могу.

Лучше буду думать про кислородную палатку. Корделия лежит без сознания. Меня вызвали в больницу, к ее одру, но слишком поздно. Тошнотворно пахнут вянувшие в вазе цветы, у Корделии в носу и в венах трубки. Звук предсмертного дыхания. Я держу ее за руку. Лицо у нее опухшее, белое, как недопеченное тесто, под закрытыми глазами — желтоватые круги. Веки недвижны, но пальцы слегка подрагивают, или это мне кажется? Я сижу и думаю, не выдернуть ли трубки у нее из вен, шнур аппарата — из розетки. Ее мозг мертв, сказали врачи. Неужели я плачу? Но кто же мог меня сюда вызвать?

Или даже лучше: железное легкое. Я никогда его не видела, но в газетах публиковали фотографии детей в такой штучке — давно, когда люди еще болели полиомиелитом. Эти фотографии — железный цилиндр, гигантская металлическая колбаса, из одного конца торчит голова (непреренно девочки), волосы разметались по подушке, глаза большие, как у ночного зверька, — всегда меня завораживали. Даже больше, чем истории про детей, которые пошли гулять по тонкому льду, провалились и утонули, или играли на путях и им поездом отрезало руки и ноги. Полиомиелит можно подхватить незаметно для себя, и тогда окажешься в железном легком, сама не зная как. Что-то вдохнула или съела, или заразилась через деньги, которые до тебя трогали другие люди. Знать бы, где упасть.

Взрослые ссылались на железное легкое, чтобы пугать нас, запрещать то, что нам хотелось. Никаких общественных бассейнов, летом — никаких гуляний в толпе. «Ты что, хочешь провести остаток жизни в железном легком?» — говорили взрослые. Дурацкий вопрос. Хотя для меня такая жизнь — с ее неподвижностью, с жалостью окружающих — имела свои тайные плюсы.

Ну, значит, Корделия в железном легком. Ею дышат, играя на ней, как на гармошке. Вокруг нее рождается металлический хрип. Она в полном сознании, но не может ни двигаться, ни говорить. Я вхожу в комнату, двигаюсь, говорю. Наши взгляды встречаются.

Корделия должна где-то жить. Может, в миле от меня, а может, на соседней улице. Но в конце концов я уже не представляю себе, что сделаю, если наткнусь на нее. Например, она окажется в метро, на сиденье напротив. Или будет стоять на платформе, разглядывая